

УДК 811.111'276.6:070

**ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ТЕКСТАХ ВЫСТУПЛЕНИЙ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ**

*канд. филол. наук, доц. О.В. КАЗИМИРОВА, М.Р. НАЙДЕНОК-ПАЙГЕРТ
(Витебский государственный университет им. П.М. Машиерова)
kgerfil@vsu.by*

Статья посвящена исследованию текстов выступлений британских политических лидеров с целью выявления наиболее употребительных приемов манипулятивного воздействия на адресата. В частности, определен репертуар разноуровневых средств репрезентации речевой манипуляции, выявлены их процентные показатели, а также лингвопрагматические характеристики. На морфологическом уровне выделены такие частотные приемы, как применение личных местоимений “we” и “I”, разнообразные видовременные формы глаголов, обладающие стилистической окраской. На уровне лексики установлены следующие средства: явления лексической контаминации, фразеологические единицы, неологизмы, термины, жаргонизмы. На синтаксическом уровне зафиксированы риторические вопросы и вставные конструкции, отличающиеся юмористическим подтекстом. В работе также рассматривается ряд частных приемов, обусловленных целевой направленностью манипулятивного процесса.

Ключевые слова: *политический дискурс, политический текст, речевая манипуляция, убеждение, манипулятивное воздействие, адресант, адресат.*

Введение. В современных условиях политическая лингвистика обладает особым смыслом ввиду растущей тенденции к гражданской активности и демократизации общества. Видные государственные деятели получают признание далеко за пределами своей страны, а их имена становятся нарицательными, создавая в сознании реципиента образ всей нации. В рамках политической борьбы цель любого политика – добиться влияния в обществе, утверждения собственных принципов посредством определенного языкового инструментария. Вследствие этого политический дискурс, будучи одним из конститутивных сегментов политической лингвистики, обретает сегодня ряд новых методологических ориентиров. Ключевыми элементами политического дискурса являются его манипулятивная направленность и стремление убедить аудиторию в правильности принципов и идей, преподносимых политической системой. В этой связи требуют глубокого осмысления технологии речевого манипулятивного воздействия, характерные для текстов публичных выступлений политиков. Рассмотрение данного вопроса имеет большое практическое значение, поскольку приемы языкового манипулирования транслируются в массы и субъективно воспринимаются адресатом, формируя лингвосоциальный имидж конкретного политика.

Целью настоящего исследования является выявление и описание разноуровневых языковых маркеров реализации манипулятивного воздействия в текстах выступлений британских политиков. Материалом исследования служат 50 текстов выступлений политических деятелей за 2019–2020 годы, охватывающие широкий тематический спектр: феномен Брексита, распространение коронавирусной инфекции Covid-19, различные внутриэкономические проблемы Великобритании. Длительность роликов варьируется от нескольких минут до часа, а в качестве канала их распространения выступает сайт *Youtube*, презентующий записи выступлений ведущих политических лидеров.

Основная часть. Следует отметить, что текст составляет существенную часть любого политического сообщения. При этом большую роль играет порядок построения речи, правильный выбор фраз, внутреннее содержание высказывания. Так, А.Г. Алтунян констатирует, что политический текст используется «для воздействия на политическую ситуацию путем пропаганды политических идей, эмоционального влияния на граждан, их побуждения к политическим действиям» [1, с. 102], поэтому становится очевидным, что именно вербальные средства выражения мысли выступают одной из главных движущих сил манипулятивного воздействия на аудиторию.

В первую очередь следует подчеркнуть, что вербальные элементы высказывания могут служить механизмом как убеждения, так и манипуляции. В связи с этим важно разграничить приемы убеждения и манипуляции, поскольку убеждение направлено на побуждение человека к определенной деятельности при помощи воздействия на сознание, чувства, волю индивида посредством сообщения, разъяснения и доказательства важности того или иного положения [2, с. 39]. Манипуляция, в свою очередь, подразумевает эксплуатацию собеседника в интересах говорящего, при этом слушатель не осознает, что он лишь является инструментом для достижения целей [3, с. 53]. Более того, убеждение отличается от манипуляции тем, что в первом случае человек осознает и понимает намерения другого, а во втором – этого не происходит. В рамках нашей работы акцент сделан на анализе манипулятивных механизмов воздействия на аудиторию, однако мы также рассмотрим ряд приемов, ставящих своей целью, прежде всего, информирование и убеждение адресата.

Анализ практического материала позволяет обнаружить типичный комплекс языковых маркеров для реализации манипулятивного воздействия на адресата в политических текстах. Частотность выявленных языковых средств в процентном соотношении (%) отображена на рисунке 1.

Рисунок 1. – Номенклатура языковых средств манипулятивного воздействия

Приведенный выше рисунок показывает, что в процессе реализации манипулятивного воздействия используются разноуровневые средства языка: морфологические, лексические, синтаксические. Наибольший удельный вес из общей численности языковых средств занимают фразеологические единицы (85%). Поясним, что фразеологическая единица, будучи вербальным кодом с ярким, вызывающим эмоции образом, оказывается востребованным речевым средством манипуляции сознанием. Далее следуют личные местоимения "we" (80%) и "I" (50%), видовременные формы глаголов (65%), лексическая контаминация (60%) и т.д. Наименьший удельный вес составляют неологизмы (15%). Их относительно низкая частотность объясняется сложностями, возникающими при осмыслении содержания новых понятий, которые повышают напряженность политического текста и препятствуют пониманию информации реципиентом. Для того чтобы более подробно продемонстрировать функционирование установленных языковых средств, рассмотрим некоторые примеры.

Так, одним из наиболее часто употребляемых приемов манипуляции на морфологическом уровне является использование **личного местоимения** "we" вместо "I" (в 80% случаев). Применение местоимения "we" первого лица множественного числа в политических текстах обусловлено, в первую очередь, желанием оратора отождествлять себя с аудиторией. Политические деятели часто заявляют, что они были выбраны народом: "...we were elected to make decisions" [4]. В результате, они являются представителями страны на политической арене, такими же гражданами, как и все остальные, однако избранными электоратом с целью защиты прав своих сограждан. В следующем фрагменте местоимение "we" содействует выражению солидарности, единства со своими соотечественниками. В качестве примера следует привести еще один отрывок из речи бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мей по вопросам Брексита: "**Our** history and culture is profoundly internationalist. **Our** political traditions are different, unlike other European countries, **we** have no written constitution. **We** have little history of coalition government" [5]. Выступая перед представителями Европейского союза, Тереза Мей произносит речь от лица всей страны, несмотря на то, что решение поставленного вопроса принималось в стенах парламента. В такой ситуации использование местоимения "we" помогает слушателям ассоциировать выступающего с тем обществом, которое он представляет.

Следует отметить, что зачастую политические деятели обращаются к своим коллегам, призывая их к определенным действиям (в 40% случаев). В данных случаях местоимение "we" обозначает всех представителей британского парламента. Оратор обозначает проблему и призывает других членов палат решить ее совместными усилиями. Обратимся, например, к речи Ли Роули, представителя Северо-восточного Дербишира: "**We** have debated long enough... **We** have a fundamental responsibility in this place to try and resolve these most vast problems and allow our despairing country to move on... In my view we simply must

get Brexit done” [4]. В этих условиях оратор стремится объединить всех присутствующих на выступлении политиков, акцентируя внимание на проблеме Брексита и напоминая парламенту о его роли в обществе, ответственности перед гражданами Великобритании. Ли Роули поднимает крайне важный вопрос для страны. Фраза “*we must get Brexit done*” является репликой-стимулом и употребляется также в других исследуемых нами выступлениях [6; 7]. Исходя из анализа материала, мы можем сделать вывод о доминировании личного местоимения “*we*” в рамках политического текста, значимости его как средства объединения, выражения взаимопонимания и солидарности оратора со своей аудиторией, а также указать на обширность его функций (создание иллюзии единства автора и аудитории, ассоциирование оратора с тем обществом/страной, представителем которых он является, призыв адресата к общим действиям и др.).

Тем не менее нельзя также упускать факт частого применения в политических текстах выступлений личного местоимения “*I*” (в 50% случаев), выполняющего при этом противоположную функцию – разобщения с реципиентом. Заявляя о себе от первого лица, адресант, в первую очередь, «выставляет напоказ» собственную личность, подчеркивает свои успехи и достижения. Местоимение “*I*” может использоваться, когда говорящий отчитывается о проделанной работе, тем самым повышая свою значимость для слушающего, что можно наблюдать в речи представителя избирательного округа Норт-Уэст-Дарем Лоры Пидкок “*Before entering this house I worked for schools, colleges and teachers for nine years... If I can be half a friend or ally to schools in North-West Europe, I will be doing very well*” [8].

Кроме того, с помощью местоимения “*I*” может выражаться личностная позиция оратора. В подтверждение сказанного, обратимся к речи Бима Афолами, представителя округа Хитчин: “*When I was pondering on the absurdity I just had to look at the opposition benchers*” [9]. В своей обвинительной речи адресант затрагивает некоторые противоречия (эксплицированные местоимениями “*they*”, “*their*”), которые имеют место в английском парламенте. Тем самым, автор противопоставляет себя как независимого наблюдателя и политического деятеля членам других партий, которые выступают как единая, обезличенная масса. Крайне значимо, что в данном выступлении значительный акцент сделан на широкую доказательную базу оратора. Свои обвинения говорящий демонстрирует конкретными обстоятельствами: “*Then we see SNP who argue for referendum on Scottish independence? And I say that is being their long-standing position, but yet I don't know why they bother because they refused to accept the referendum happened in 2014, refused to accept the referendum on the European Union in 2016. Then why they think another referendum in Scotland would get them what they want? I don't really know, they...*” [9]. Благодаря чередованию местоимений “*I*” и “*we*” Биму Афолами удастся достичь большей выразительности и аргументированности высказываемых тезисов, что приводит к эффективному сочетанию приемов убеждения и манипуляции.

Лингвостилистическую выразительность речам британских политических деятелей придают разнообразные **видовременные формы глаголов** (в 65% случаев). Так, в следующей речи Дэвида Кэмерона в целях демонстрации имеющихся успехов и достигнутых результатов, оратор использует ряд глаголов, стоящих в форме настоящего совершенного времени: “*For all our connections with the rest of the world of which we are mightily proud we have always been a European power and we always will be. ...we have helped to write the European history and Europe has helped to write ours. Over the years Britain has made its own unique contribution to Europe: we have provided a heaven to those fleeing tyranny and persecution*” [10]. С помощью функционирования перфектных форм адресант акцентирует внимание адресата на достижениях Великобритании и подчеркивает ее значимый вес, как в европейской, так и международной политике.

Для демонстрации стилистически маркированных глаголов, эксплицирующих эмоциональное состояние политика, обратимся к тексту выступления королевы Елизаветы II, которое направлено на поддержание нации в тяжелых условиях распространения коронавирусной инфекции: “*We will succeed and that success will belong to everyone of us. We should take comfort while we may still have more to endure better days will return. We will be with our friends again. We will be with our families again. We will meet again*” [11]. В речи говорящего можно наблюдать такие приемы, как личное местоимение “*we*”, позволяющее ассоциировать автора с его аудиторией, повторение структур высказывания (“*We will be with our friends again. We will be with our families again. We will meet again*”), а также глаголов в форме будущего времени (“*will succeed*”, “*will return*”, “*will be*”, “*will meet*”), что придает высказыванию оттенок обещания и уверенности в завтрашнем дне.

Анализируя **лексический уровень** языковой системы, следует отметить стремление оратора к применению в речи лексем, не имеющих лексико-стилистической парадигмы. Характерно, что в публичных выступлениях британским политическим деятелям обычно свойственна нейтральность. Тем не менее широкое распространение получают разнообразные **фразаологические единицы** (в 85% случаев), которые служат средством схожести с разговорным стилем, а также придания речи эмоциональности и экспрессивности. В качестве примера приведем фрагмент из речи Джо Стивенса, представителя Центрального Кардиффа в парламенте: “*...we have despite what the Justice Secretary said earlier a crisis on our hands...*” “*The Justice Secretary is trying his best, I do believe that he is doing that. And I almost have some sympathy for him. It can't be easy having to take up his role equipped with the shovel to clear up what I will politely call*

“*the residue*” that his predecessor, the Leader of the House, left him” [12]. Автор использует фразеологические единицы *to have a crisis in one's hands, to do one's best, to be equipped with the shovel to clear up* для акцентирования внимания реципиента на поставленных вопросах и увеличения воздействующей силы сказанного. Для этих же целей говорящий употребляет лексику сниженного стилистического тона “*residue*” (в значении ‘пережиток’), имеющую отрицательную коннотацию и служащую идентификатором сатирического изображения действительности.

Еще одним ярким приемом манипулятивного воздействия в британском политическом дискурсе выступает **лексическая контаминация** (в 60% случаев). Установлено, что новые речевые единицы получают широкое распространение в текстах выступлений политических деятелей, нередко отражая актуальные реалии политической жизни (*republicrat, guesstimate, swoonderful, frenemy* и т.д.). В качестве примера приведем отрывок из речи Пола Флинна, члена парламента от Ньюпорт-Уэста: “*My friend told me tonight there **gonna** be a documentary, a drama documentary, based on the life of Elizabeth Bryce and I gave a little whoop of joy*” [13].

Анализ показывает, что среди наиболее частотных средств с высоким манипулятивным потенциалом можно отметить и **жаргонизмы** (в 45% случаев). Для демонстрации сказанного, обратимся к уже упомянутому ранее отрывку из речи Пола Флинна, в котором в роли жаргонизма выступает лексема “*whoop*”. В рассматриваемом контексте жаргонизм не несет стилистической нагрузки и является частью лексического вокабуляра автора. В качестве примера стилистически окрашенного жаргонизма процитируем отрывок из речи Джона Манна, члена парламента от Бассетлоу: “*And those who say: it is a **smear**, a **smear** in raising this issue, need to publicly apologize and publicly understand what they are doing and what they are saying...*” [14]. Будучи интонационно маркированным, слово “*smear*” (в значении ‘тянучка’) служит для привлечения внимания слушателей. Адресант стремится вызвать у аудитории эмоциональный отклик, найти среди них поддержку собственной позиции.

В ходе исследования было выявлено, что процесс реализации манипулятивной интенции осуществляется посредством **терминов** (в 30% случаев) и **неологизмов** (в 15% случаев). Подчеркнем, что зачастую термины применяются для полного сокрытия информации. Для иллюстрации сказанного, обратимся к речи Министра финансов Риши Сунака, посвященной планам британского правительства по финансовой поддержке населения в условиях распространения коронавируса. Рассматриваемое выступление изобилует терминами и аббревиатурами экономической направленности: “*job retention scheme*”, “*AVAT*”, “*GDP*”, “*the universal credit standard allowance*”, “*the working tax credit basic element*”, “*the minimum income flow*” и др. [16]. В своем отчете о реализованных мерах Риши Сунак подчеркивает универсальный характер предпринятых руководством действий в борьбе с пандемией, что способствует поддержке всех слоев населения, малого и среднего бизнеса. В данном контексте нагромождение терминов, с одной стороны, придает речи профессиональный оттенок и демонстрирует владение говорящим тематикой выступления, а с другой – создает непроницаемый барьер, который отделяет аудиторию от реального положения дел.

Что касается употребления неологизмов, то в этом случае приведем отрывок из выступления Джесс Филлипс, члена парламента от Бирмингем Ярдли: “*...it is not difficult at all, it is a total pleasure to live amongst **migrocommunities***” [15]. Применяя неологизм “*migrocommunity*” в значении ‘общество мигрантов’, оратор создает приближенный к реальности образ и демонстрирует свой профессионализм в рамках обсуждаемой проблемы.

Как показывают результаты исследования, на синтаксическом уровне в речах британских политических деятелей преобладают **риторические вопросы** (в 25% случаев) и **вставные конструкции**, выражающие юмористическую направленность (в 20% случаев). По нашим наблюдениям, данные приемы встречаются во многих текстах и используются для снятия напряжения, отвода или акцентирования внимания адресата на чем-либо незначительном, а также для создания образа оратора. Постановку риторических вопросов можно обнаружить в речи Найджела Фаража: “*Can you trust Boris Johnson on this issue? Can you trust the conservative party on this issue? “Would we take back what belongs to us? Would we take back our territorial waters?”*” [18]. Ставя перед аудиторией актуальные вопросы о действиях премьер-министра Великобритании и его лояльности к нации, оратор призывает своих слушателей задуматься, подойти критически к рассматриваемой проблеме и решить для себя, кому следует доверять. Применение вышеуказанного приема является действенным инструментом манипулирования аудиторией, поскольку, не предлагая фактической информации, говорящий критикует существующее положение дел. Более того, посредством риторических вопросов он вынуждает аудиторию размышлять и комментировать в выгодном для себя ключе то, что было сказано ранее.

Для иллюстрации употребления вставных конструкций продемонстрируем фрагмент из речи Риза Ахмеда: “*We gathered here to discuss important, pressing, urgent questions. And I think a chief among those really pressing, urgent questions (**both in your mind and in mine**) is what the hell am I doing here*”, “*In an age where reality TV stars can become American presidents (**perhaps, our typically restrained British equivalent***

is to just let an actor address politicians)...” [17]. Наличие юмористического подтекста при таких условиях обеспечивает эффективную самопрезентацию говорящего с целью добиться положительной реакции от слушающего с самого начала выступления.

Наконец, рассмотрим ряд частных приемов, определяемых целевой установкой процесса манипуляции. Для этого обратимся к речи Люси Пауэл, члена парламента от избирательного округа Манчестер Централ. Оратор преподносит слушателям значительную доказательную базу касательно опасности онлайн групп и онлайн форумов: *“Most of the examples I will use in my speech relate to forums or groups on Facebook”* [19]. Далее она зачитывает названия деструктивных групп, встречающихся в социальной сети «Фейсбук»: *“It’s not only racism that is allowed to thrive on these forums. Marines United was a secret group. Members used the forum to share nude photos of their fellow service women, described by a whistle blower as revenge porn, talk about rape and racists comments”* [19]. Она также ссылается на авторитетное мнение по обсуждаемому вопросу: *“Research by Professor Jeff Goldblack of the university in Maryland shows that...”* [19]. В результате, сам способ построения высказывания – акцентирование внимания лишь на одном аспекте (негативной оценке онлайн форумов) и умышленное умолчание о других сторонах поднятой проблемы содействуют реализации манипулятивного намерения оратора.

Заключение. Проведенный анализ позволил выделить вербальные приемы манипулятивного воздействия, широко представленные в текстах выступлений британских политических лидеров. Выявленные средства задаются целевой направленностью манипулятивного процесса и ориентированы на формирование определенного мнения об освещаемом событии. Во взаимодействии с методами убеждения принципы манипуляции обеспечивают достижение поставленных адресантом целей и выполнение одной из ключевых функций политического дискурса – воздействия на сознание аудитории, направленного, главным образом, на внедрение нужных для существующих структур установок и стереотипов. В этой связи изучение механизмов речевого манипулирования принципиально важно, поскольку делает возможным формирование навыков и умений защиты от него. Полагаем, что лишь разумное сочетание всех лингво-прагматических характеристик текста публичного выступления (средств манипулятивного воздействия, особой подачи концептуальной информации, создания эмоционального подтекста высказывания и др.) способно предоставить адресанту желаемый результат и содействовать достижению поставленных задач, актуальных для информационного политического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов: учебное пособие / А.Г. Алтунян. – М.: Университетская книга : Логос, 2006. – 384 с.
2. Зимбардо, Ф. Социальное влияние / Ф. Зимбардо. – Питер : СПб, 2001. – 448 с.
3. Стернин, И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
4. Light-hearted speeches open Brexit Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=-P1Kuh9kLXQ>. – Date of access: 02.05.2020.
5. Theresa May’s Brexit speech in full [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=o0rRnTFJszU>. – Date of access: 02.05.2020.
6. Alok Sharma opens the Queen’s speech debate in the House of Commons [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=EvzBWfNmW0I>. – Date of access: 02.05.2020.
7. Boris Johnson’s Yorkshire policing speech in full [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=5czEPvg89tQ>. – Date of access: 02.05.2020.
8. Laura Pidcock MP–27.06.2017, House of Commons Maiden Speech [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=N2DVzCpPIRg>. – Date of access: 02.05.2020.
9. Queen’s Speech Bim Afolami slams Labour, SNP and Lib Dem, Absurdity at opposition benches [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=8GPdtC51gI8>. – Date of access: 02.05.2020.
10. David Cameron Full Speech Britain and Europe – January 23rd, 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=8Ls60Wbq_dk. – Date of access: 02.05.2020.
11. The Queen’s Coronavirus broadcast ‘We will meet again’ – BBC [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=2klmuggOEIE>. – Date of access: 02.05.2020.
12. Jo Stevens MP speech on prisons and probation [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=SVUztOPa64w>. – Date of access: 02.05.2020.
13. Labour MP Paul Flynn calls for civil disobedience over UK drug laws [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=odFoFKRilaY>. – Date of access: 02.05.2020.
14. Labour MP gives stunning speech on anti-Semitism & Corbyn [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=5s39hDNMJCg>. – Date of access: 02.05.2020.
15. Rishi Sunak Government to pay 80% of wages for those not working in coronavirus crisis [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=iOoWFwh7DqQ>. – Date of access: 02.05.2020.
16. Jess Phillips I’ve met high earners with ‘literally no discernible skills’ [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=bPjdnMF3C-s>. – Date of access: 02.05.2020.

17. Nigel Farage speech at Brexit Party parliamentary candidates' event [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=dvFg9yUVuLg>. – Date of access: 02.05.2020.
18. Riz Ahmed–Channel4 Diversity Speech 2017 @ House of Commons [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=36bcxDVNr1s>. – Date of access: 02.05.2020.
19. Lucy Powell MP presents Online Forums Bill in House of Commons [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=80ZmqNRUK90>. – Date of access: 02.05.2020.

Поступила 14.05.2020

VERBAL TECHNIQUES OF MANIPULATIVE PERSUASION IN TEXT SPEECHES OF BRITISH POLITICAL LEADERS

O. KAZIMIROVA, M. NAYDENOK-PAYGERT

The article analyzes the text speeches of British political leaders and is aimed at the identification of the most frequently used manipulative techniques on the recipient. In particular, the repertoire of multilevel means of speech manipulation has been identified, their percentage indicators, as well as linguo-pragmatic characteristics, have been revealed. On the morphological level such means of manipulative persuasion as the use of the personal pronouns “we” and “I”, various types of temporal-aspectual verb forms with stylistic coloring have been distinguished. The specified means on the lexical level comprise the use of lexical contamination, phraseological units, neologisms, terms, and jargonisms. On the syntactical level rhetorical questions and constructions with humorous effect have been recognized. The paper also considers a number of particular techniques, due to the target constituency of the manipulative process.

Keywords: *political discourse, political text, speech manipulation, persuasiveness, manipulative persuasion, addresser, addressee.*